

УДК 340.15
DOI 10.17506/aip.2019.19.2.6786

ОБЩИННОЕ ПРАВО

Павел Игоревич Костокрызов

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: pkostogryzov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9345-3900
ResearcherID: K-2794-2018

Материал поступил в редколлегию 14.03.2019 г.

Статья посвящена проблеме концептуализации социально-нормативного порядка, не связанного непосредственно с деятельностью государства и чаще всего обозначаемого в юридической науке терминами «правовые обычаи» и «обычное право». Право этого типа возникает в догосударственный период и затем в течение продолжительного времени сосуществует с системой норм, создаваемой государством, а в ряде регионов продолжает играть роль важного социального регулятора и в наши дни. Анализируя устоявшуюся теорию обычного права, автор предлагает взглянуть на это понятие по-новому, выявляя ряд связанных с ним теоретических и эпистемологических проблем. Показано, что наиболее распространенное определение обычного права внутренне противоречиво, неоднозначность и неоправданно широкое применение этого понятия обедняет его содержание, а представление, согласно которому право догосударственных обществ и государственно-организованных социумов, сохранивших независимые от государства правовые институты, состоит из одних лишь обычаев, являющихся результатом многократного повторения неких (более или менее случайных) действий, неверно. Применяя принципиально иной подход к типологии права, который учитывает прежде всего не формальные критерии, а характер

тех социальных сил, которые обеспечивают общеобязательность правовых норм, автор вводит и обосновывает понятие общинного права. Показано, что данное понятие наиболее релевантно для обозначения права традиционного общества, не основанного на волеизъявлении государственной власти, а также тех правовых порядков, которые существуют в современных социумах параллельно с официальным правом государства. Его объем полностью соответствует обозначаемому им множеству явлений, и его использование помогает избежать тех противоречий и вводящих в заблуждение коннотаций, которые возникают в связи с употреблением категории «обычное право». Опираясь на фактологический материал, предоставляемый историей права и юридической этнографией, автор выявляет основные структурные и содержательные особенности общинного права, отличающие его от других типов права, и дает характеристику его источников.

Ключевые слова: общинное право, обычное право, народное право, негосударственное право, право в традиционном обществе, правовой плюрализм, община, юридическая антропология, теория государства и права, история государства и права.

Спор о том, что появилось раньше – право или государство – и возможно ли функционирование первого без участия второго, ведется в юридической науке уже не первый век. Вопрос этот, по сути, мировоззренческий, и ответ на него зависит от изначально выбранной тем или иным ученым позиции. В данной статье мы остановимся на одном из аспектов этой фундаментальной дискуссии, а именно на вопросе о сущности социально-нормативного порядка, который возникает на стадии становления ранней государственности и затем в течение продолжительного исторического периода действует одновременно с системой норм, создаваемой государством, постепенно уступая ей место или «абсорбируясь» ею, входя в ее состав.

Всякий раз, когда речь заходит о нормативном регулировании социальной жизни в традиционных обществах, как находящихся на догосударственной стадии развития, так и вступивших в эпоху ранней государственности, в современном научном дискурсе используется категория *обычное право*. Под этим понятием подразумевается система норм, используемых негосударственными институтами социального регулирования традиционного общества – прежде всего общинами. Применительно к сфере государственного регулирования обычное право рассматривается как первичный источник, к которому в дальнейшем добавляются другие формы права – законы, прецеденты и т.д. Термином *обычное право* обозначают и нормативные системы, регулирующие социальную жизнь самоуправляемых сообществ (общин), которые в современных условиях сохраняют ту или иную степень правовой автономии от государства.

Такая точка зрения является практически общепринятой и почти не подвергается сомнению (если не считать споров позитивистов и непозитивистов о том, может ли называться правом система обычаев, не признанная государством и не обеспеченная санкцией с его стороны). Тем не менее мы возьмем на себя смелость проблематизировать это устоявшееся представление и предложить иное, более адекватное, на наш взгляд, понятие, охватывающее право, регулирующее жизнь человеческих коллективов вне сферы прямого действия институтов государственной власти.

Понятие *обычное право* существует давно, оно успело прочно укорениться в научном обиходе и стать настолько привычным, что, казалось бы, не должно вызывать особых вопросов и дискуссий. В его теоретическую разработку внесло вклад не одно поколение ученых, начиная, по крайней мере, с выдающихся представителей исторической школы правоведения Г.Ф. Пухты и Ф.К. фон Савиньи и заканчивая нашими современниками М.А. Супатаевым, И.Е. Сеницыной, В.В. Бочаровым, В.Б. Безгиным, Г.Г. Небратенко, К.А. Алимжаном и др. Однако исследователям, которые непосредственно работают с комплексом социально-правовых феноменов, так или иначе соотносимых с этим понятием, приходится сталкиваться с целым рядом методологических проблем и «узких мест», имеющихся в теории обычного права.

Согласно принятому в современной российской юридической науке определению, **обычное право** – это совокупность неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения и санкционированных государственной властью (Сухарев, Крутских 2001: 388). В качестве основных конституирующих признаков обычного права рассматриваются возникновение его норм из практики повторяющихся действий и неписаная форма.

Сфера употребления этого термина весьма обширна. Он используется по крайней мере в трех непересекающихся значениях. Обычным правом называют:

I. Правовой порядок, существующий в догосударственном обществе и тех сегментах государственно-организованных социумов, которые сохранили определенную степень правовой автономии от государства и разрешают возникающие юридические споры самостоятельно, не прибегая к помощи государственных институтов.

II. Неписанные нормы в составе системы права того или иного государства, применяемые судами и другими органами публичной власти. Сюда относят нормы самого разного характера – от старинных обычаев отдельных этнических общностей до обычаев делового оборота и даже конституционных обычаев (например, в Великобритании).

III. Неписанные нормы международного права.

Нас интересует обычное право в первом значении, но два других также надо иметь в виду для понимания того, насколько широко используется данный термин. При этом совершенно разнородные явления объединяются в одно понятие на основании формального признака «неписанности». Таким образом, объем понятия «раздувается», а его содержание «мельчает». В результате приходится всякий раз оговаривать, какое значение термина *обычное право* имеется в виду в конкретном случае. Ценность же научного понятия состоит именно в его однозначной определенности и содержательной глубине. Чрезмерная широта использования термина представляется первой гносеологической проблемой господствующей концепции обычного права.

Но это, пожалуй, наименьшая из ее проблем. Куда более серьезные вопросы возникают при содержательном анализе самой дефиниции обычного права, приведенной выше.

Прежде всего следует отметить, что на ней лежит неизгладимый отпечаток позитивизма – правом признается только то, что санкционировано государством. Позитивистское правопонимание по сию пору сохраняет доминирующие позиции в постсоветской юридической науке. Попытка полемизировать с ним увела бы нас далеко от рассматриваемой темы, однако нельзя не заметить, что именно в теории обычного права последовательный позитивизм приводит к неразрешимому противоречию. Действительно, первое значение этого термина включает системы социальных норм, формирующиеся в догосударственных обществах и продолжающие действовать в социумах, обладающих государственностью, но без непосредственного участия государственных органов в правоприменении. Возникает вопрос: можно ли считать эти нормативные системы правом? С позитивистской точки зрения, неразрывно связывающей право с государством, ответ должен быть отрицательным для времени, предшествующего возникновению государства, и положительным начиная с того момента, когда оно появляется и придает обычаям свою санкцию.

Очевидна искусственность такого разграничения: одна и та же правовая система, не изменившая ни своей сущности, ни своих проявлений, признается или не признается правом в зависимости от внешнего по отношению к ней обстоятельства существования государства (не говоря уже о том, что зарождение государства не одномоментное событие и зафиксировать точную дату его возникновения в том или ином обществе невозможно). Как правило, в раннегосударственный период институты общинного правосудия и «обычного» права продолжают функционировать в том же режиме, что и в догосударственный, независимо от государственной власти, которая далеко не сразу начинает оказывать влияние на уже сложившуюся систему правовых норм.

Некоторые сторонники позитивистского правопонимания предпочитают именовать право догосударственного общества «предправом» или «протоправом», одновременно применяя к нему и термин *обычное право*. На алогичность такого словоупотребления справедливо указывает Г.Г. Небрятенко (Небрятенко 2013: 7). Он, со своей стороны, предлагает различать обычное право в «социально-правовом» и «специально-юридическом» смысле, первый из которых, по его мнению, был характерен для права в догосударственном обществе, а второй складывается по мере формирования государства (Небрятенко 2013: 8). Такой подход представляется более логичным, однако и он не снимает того противоречия, которое призван разрешить, поскольку порождает новые вопросы, в частности: является ли «право в социальном смысле» правом в строгом значении этого слова? Ответ позитивистов, вероятнее всего, будет отрицательным, и цепочка рассуждений вновь приведет к отправной точке дискуссии – спору о праве и «предправе».

Поэтому с точки зрения эффективности научного познания феномена обычного права в значении I было бы разумнее совсем отказаться от позитивистского подхода и исходить из признания за правом самостоятельного онтологического статуса, не производного от бытия государства. Например, можно взять за основу определение из «Энциклопедического словаря»

Брокгауза и Ефрона: *право есть совокупность правил (норм), определяющих обязательные взаимные отношения людей в обществе* (Малый энциклопедический словарь 1909). Это позволяет снять описанное выше противоречие, специфичное именно для позитивистского правопонимания.

Но формулировка *«совокупность неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного применения»* при критическом рассмотрении оказывается нерелевантной для описания сложного правового порядка, существующего в безгосударственных обществах или сегментах современного общества, которые по каким-то причинам оказываются вынуждены решать возникающие юридические споры самостоятельно, не прибегая к помощи государственных институтов.

Во-первых, что значит «правило, сложившееся в результате многократного применения» – что именно «применяется многократно»? Если это – правило, то, следовательно, оно уже существовало до этого «многократного применения»; если же определенный способ действия в определенной ситуации, не будучи сначала правилом, становится таковым только после «многократного применения» (что, очевидно, и предполагает рассматриваемое определение обычного права), то возникает следующий вопрос: всякое ли многократно повторенное действие становится правовым обычаем? Безусловно, нет. Например, преступление, сколь бы часто оно ни совершалось, правилом поведения не будет по определению. Значит, должен существовать какой-то социальный механизм отбора тех «многократно повторяемых» актов, которые способны стать нормами. И механизм этот составляет существенный элемент «обычного права» (в значении I).

Во-вторых, далеко не все юридические обычаи возникают в результате «многократного повторения» неких действий. Возьмем, к примеру, такой широко распространенный обычно-правовой институт, как кровная месть. Действительно ли необходимы были «многократные повторения» актов мести, чтобы она вошла в обычай? Скорее, наоборот, уверенность в справедливости и даже необходимости мщения за кровь родича приводила к совершению этих актов в определенных случаях. За кровной мстью стоит вполне определенное мировоззрение, включающее представления о святости крови, связи индивида и рода, культе предков, погребальных жертвах и т.д., а в конечном счете и о справедливости – воздаянии за нанесенную «обиду». Можно ли утверждать, что обычай кровной мести сформировался в результате ее «неоднократного применения», а весь этот сложный идейный комплекс был «подверстан» лишь позднее, чтобы обосновать его? Не логичнее ли считать, что, напротив, кровная месть – это следование императиву, вытекающему из родового мировоззрения? Не говоря уже о том, что прагматическая функция данного института состоит как раз в том, чтобы не допускать таких ситуаций, в которых могло бы понадобиться его повторение. Это же относится и к обычно-правовым нормам, представляющим собой запреты. Какое действие надо было «многократно повторить», чтобы запрет вошел в обычай? Ведь он направлен именно на предотвращение совершения определенного рода деяний.

На эту логическую неувязку в теории обычного права обращал внимание еще Г.Ф. Пухта, считавший ошибочным «воззрение... что обычай рождает право... Народ в течение долгого времени действует слепо и без руководящих принципов, а потом вдруг воображает себе, что у него существует право» (Пухта 1874: 35). Не отказываясь от самого термина *обычное право*, немецкий ученый пошел дальше поверхностного взгляда на него как на совокупный результат многократного повторения неких действий. «Обычным называется то право, которое возникает непосредственно в народном сознании. Творя его, народный дух не пользовался ничем иным, кроме настроения своих членов», – писал Г.Ф. Пухта (Пухта 1874: 33). «Обычай есть применение уже существующего в народном сознании юридического права», – подчеркивал он (Пухта 1874: 35).

С Пухтой соглашался его коллега и единомышленник по исторической школе права Ф.К. фон Савиньи. Он утверждал: «...в приведенном мнении (о происхождении обычного права из многократного повторения. – П.К.) истинное отношение между причиной и следствием вывернуто наизнанку. ... Основание (обычного права. – П.К.) существует... в общем сознании народа. ... Обычай есть признак позитивного права, а не основание его возникновения» (Савиньи 2011: 293). Савиньи, впрочем, делал оговорку, что некоторые «относительно безразличные», второстепенные нормы, например определяющие внешнюю форму юридических сделок, могли возникать и путем многократного применения (Савиньи 2011: 294).

Полемический пафос исторической школы был направлен преимущественно против естественно-правовых воззрений, господствовавших в XVIII в., особенно во второй его половине, основными выразителями которых в Германии начала XIX в. были представители философской школы права, и прежде всего ее признанный лидер А.Ф.Ю. Тибо. Юснатуралисты выводили право из универсальной и неизменной человеческой природы, абстрагируясь от исторического и культурного контекста, приходя к выводу о необходимости коренного преобразования права на чисто рациональных началах. Тибо придерживался значительно смягченного варианта естественно-правовой теории, признавая важность учета исторически сложившихся институтов (почему и называл свой подход «историко-философским»), но тем не менее последовательно выступал за глубокое реформирование немецкого права путем общегерманской кодификации. Это неизбежно означало не только нивелирование региональных различий, но и полное стирание многих особенностей немецкого права. Тибо считал их «следствием грубости человеческой и привычки к издавна установившимся, хотя и нецелесообразным формам и отношениям» (Цит. по: Михайлов 2013: 108), а истористы – манифестацией того самого народного духа, из которого они выводили право как таковое. Отсюда во многом и проистекал их пиетет по отношению к обычному праву, оберегать которое от атак со стороны рационалистического реформизма они считали своим долгом.

Воззрения исторической школы подвергались критике со стороны многих ученых. Так, К.А. Алимжан, говоря о слабой обоснованности тео-

рии Г.Ф. Пухты, подчеркивает, что она априори предполагает «изначальное единство некоего народа – создателя обычного права, а также существование в его незримом правосознании определенной системы правовых норм», а кроме того, «не уделяет внимания механизму формирования нравов и обычаев» (Алимжан 2003: 219). С первым замечанием следует полностью согласиться: действительно, народ может реализоваться как активный субъект правотворчества только через государство, так как более ранние формы общественной организации – общины, племена и союзы племен – не объединяли целых народов (да и вообще, вызывает сомнения сама возможность применения категории «народ» к догосударственному периоду истории). Вполне обоснованно отвергнута современной наукой и идея юристов исторической школы о народном духе как активном начале, формирующем единые право и правосознание у целого народа поверх племенных, общинных и даже государственных границ.

Что же касается второго замечания К.А. Алимжана – о недостатке внимания к механизму формирования нравов и обычаев у представителей исторической школы, то его с еще большим основанием мы относим к господствующей теории обычного права. В самом деле, концепция «многократного применения» никак не может считаться удовлетворительным объяснением механизма формирования обычаев, поскольку не отвечает на главный вопрос: как именно происходит отбор из множества многократно повторяемых действий тех, которые затем становятся нормами? Нельзя не признать, что в этом вопросе представители исторической школы оказались проникательнее своих критиков, а их взгляд на становление обычаев – гораздо глубже преобладающей ныне теории.

Обычно-правовая норма возникает не случайно, и далеко не всякое повторяющееся поведение способно превратиться в обычай, а только такое, которое соответствует сложившимся в обществе представлениям о должном, правильном, справедливом. А значит, сами эти представления составляют существенную, даже основную, часть того, что принято считать обычным правом. Г.Ф. Пухта и Ф.К. фон Савиньи именовали такие представления «нравами», «настроениями» и даже «юридическими правилами». Сейчас мы называем их правовыми ценностями и принципами. Юристы исторической школы действительно не раскрыли глубинный механизм их формирования, но было бы несправедливо ставить им это в вину. Это невозможно было сделать, оставаясь в предметном поле «чистой» юриспруденции, да и вообще для науки первой половины XIX века такая задача была неразрешимой. Ее впервые поставила и смогла приблизиться к решению юридическая антропология, возникшая позже (Рулан 1999; Костогрызов 2017).

В-третьих, обычаи составляют пусть и очень важную, но далеко не единственную часть правовых норм традиционного общества. Этнографам и антропологам хорошо известны примеры вполне сознательного конструирования новых норм общинными властями в форме приказов вождей или шаманов, решений старейшин или общинных собраний. Очевидно, что эти постановления становятся правом соответствующей общины сразу, без необходимости многократного применения. Кроме того, судебным органам

общин часто приходится иметь дело с ситуациями, для которых не существует никаких обычаев или иных заранее установленных норм: тем не менее они выносят по ним правовые решения. Чем же они при этом руководствуются? Видимо, тем же, что лежит и в основе процесса формирования обычаев, – представлениями о справедливости, правовыми ценностями и принципами. Если подобные ситуации и, соответственно, решения в дальнейшем повторяются, они могут войти и в обычай, но нормами права они становятся еще до этого, если не противоречат правосознанию общества.

Таким образом, постулат, согласно которому право догосударственных обществ и государственно-организованных социумов, сохранивших независимые от государства правовые институты, состоит из одних лишь обычаев, являющихся результатом многократного повторения неких (более или менее случайных) действий, неверен. Многократное применение не является не только единственным, но даже и основным механизмом творчества в традиционном обществе. Присущее этому обществу право обладает гораздо более сложной структурой и включает целые пласты норм, имеющих иные, чем вошедшая в обычай практика, источники. Это и нормы, сознательно устанавливаемые уполномоченными на то общинными органами (этот процесс до некоторой степени может служить аналогом законодательной деятельности государства), и юридические прецеденты. А в основе всех этих норм, содержащихся в различных источниках, лежит правосознание соответствующего человеческого коллектива, включающее определенные ценности и принципы, понятие о справедливом и несправедливом и т.д.

«Классическая» концепция обычного права, сводящая негосударственное право к одним лишь обычаям, неоправданно упрощает это явление. Кроме того что она определяет свой объект противоречиво, неполно и неоднозначно, ее последовательное применение приводит к новым теоретико-методологическим проблемам. К ним относится, например, вопрос о том, остается ли обычное право таковым после того, как его нормы зафиксированы письменно. Чаще всего основной характеристикой обычного права считают его неписаную форму, однако составление различных сборников обычаев – довольно распространенная практика. Это делают государственные власти, начиная с «варварских правд» раннего Средневековья и заканчивая кодексами обычного права в африканских странах в наше время. Это делали отдельные судьи для удобства работы – примерами здесь служат средневековые германские «зеркала» и французские сборники кутюмов. В результате такой записи возникает новый источник права, содержащий правовые обычаи, но сам по себе обычаем не являющийся. Он начинает «жить» самостоятельной жизнью – например, не меняется теми способами, которыми меняется обычай, и получает, как правило, высшую силу по отношению к «настоящим», то есть неписаным обычаям. Происходит своеобразное «отчуждение» обычного права от тех, кто его творит своей повседневной практикой. Путь постепенных малозаметных изменений, типичный для неписаных обычаев, в такой ситуации оказывается закрыт, обычное право «консервируется» в том состоянии, в котором оно пребы-

вало на момент письменной фиксации, и его нормальное, эндогенное развитие останавливается. Следует ли считать такое право обычным? Классическая теория обычного права однозначного ответа на этот вопрос не дает, так же как и на симметричный вопрос: может ли норма закона стать правовым обычаем?

Наконец, категория *обычное право* имеет богатый шлейф коннотаций, затрудняющих правильное понимание сути обозначаемого ей явления. Не будучи обязательной частью теории обычного права, эти коннотации, однако, оказываются настолько тесно связанными с ней, что влияют на ход мысли даже признанных специалистов в данной теме. Самый типичный пример такой ошибочной коннотации – представление об обычном праве как о чем-то застывшем, не подверженном изменениям и, как следствие, архаичном, отсталом и даже реакционном (Супатаев 1984; Yrigoyen Fajardo 1999).

Подведем промежуточный итог. Господствующее понятие обычного права слишком широко по объему, его определение противоречиво, неполно и приводит к неразрешимым методологическим проблемам. Если же брать его только в первом (и основном) значении, то оно оказывается, наоборот, чересчур узким, лишь частично соответствующим своему денотату. Поэтому имеет смысл ограничить сферу употребления термина *обычное право* теми сегментами правовых систем (как ныне существующих, так и исторических), которые действительно основаны на многократном применении некоторого юридически значимого образа действий. Сюда относятся, в частности, обычаи делового оборота, конституционные обычаи (особенно в странах англосаксонской правовой семьи), международное обычное право и т.д.

Что же касается обычного права как права догосударственного общества и сохранившихся в государственно-организованных социумах «анклавов» негосударственного правопорядка, то для его обозначения необходимо более точное понятие. Его поиск ведется учеными довольно давно. В частности, некоторые авторы предлагают называть это явление *народным правом* (англ. *folk law*). К. фон Бенда-Бекманн выдвигает в пользу этого варианта такие аргументы: «Это более нейтральный термин, введенный для того, чтобы показать: каково бы ни было право, по которому живут люди, то есть будь оно традиционным, обычным или вновь созданным, это и есть правовая система народа, и потому она должна восприниматься самым серьезным образом. Эта система права может соединять черты обычая и традиции, религии, государственного права, и она может даже включать новые нормы, не вписывающиеся ни в одну из перечисленных выше категорий» (Цит. по: Ковлер 2003: 38).

Но если термин *обычное право* в значении I подвергается критике за узость, то термин «народное право» страдает противоположным изъяном – он чересчур широк. Еще Ф.К. фон Савиньи применял его, имея в виду позитивное право в целом: «...позитивное право живет в общем сознании народа, а потому мы должны называть его *народным правом (Volksrecht)*» (Савиньи 2011: 282). С ним можно спорить, но невозможно не согласиться, что на наименование «народное» может претендовать не только то право,

которое вырабатывается народом без участия государства. Народ может быть организован в некоторое единство, способное создавать и обеспечивать правовой порядок, различными способами. Главной из таких форм организации является государство. Таким образом, и государственное право тоже может быть народным. Расхождение между народным и государственным правом возможно в случае внешнего или внутреннего завоевания, когда победители навязывают свое право побежденным. Поэтому замена термина *обычное право* термином *народное право* не снимает большинства связанных с первым проблем и противоречий.

Не годятся и часто употребляемые термины *негосударственное, неофициальное* или *неформальное право* (Understanding... 2012: 12). Помимо той же широты и неопределенности они страдают еще одним недостатком, общим для всех негативных определений: указывая, чем *не является* определяемый объект, ничего не говорят о его существенных чертах. Многие исследователи предпочитают использовать термины *право коренных народов* и *аборигенное право* (Barié 2008; Yrigoyen Fajardo 2004). Им свойственна ошибка противоположного характера – они сужают объем обозначаемого понятия. Обычное право в значении I действует отнюдь не только в сообществах коренных народов.

Чтобы найти более точное понятие для рассматриваемого класса явлений, необходимо прежде всего определить его место в типологии права вообще. По какому основанию выделяют обычное право и какой тип (или типы) права ему противопоставляют? Основным конституирующим признаком обычного права считают преимущественно его неписаную форму, хотя, как мы видели, даже этот критерий небесспорен – по вопросу, должны ли обычаи, зафиксированные письменно, считаться обычным правом, мнения теоретиков расходятся. Здесь возникают и другие трудности (например, устный приказ носителя государственной власти может содержать правовую норму, но обычаем не является); их пытаются разрешить с помощью признака многократности применения, эпистемологическая недостаточность которого показана выше. Так или иначе, в большинстве случаев подразумевается, что обычному праву противостоит писаное. Как показано выше, данное – чисто формальное – основание деления слишком слабо, что приводит к объединению в одном понятии широкого спектра разнородных феноменов (обычное право в значениях I–III).

Необходим иной критерий типологии, относящийся к самой сущности права, а не к его форме. Часто, когда речь идет об обычном праве в значении I, ему противопоставляют «государственное», или «официальное», право. Это указывает, на наш взгляд, верное направление, в котором следует искать критерий типологии права. Одним из атрибутов права является общеобязательность его норм. Поэтому наиболее релевантным в данном случае основанием деления понятия «право» представляется характер той силы, которая обеспечивает эту общеобязательность (что, разумеется, не исключает возможности классификации и по иным основаниям). Таких сил в истории права известно четыре: государство, международное сообщество, община, корпорация. Соответственно можно выделить четыре типа права:

- национальное (государственное)
- международное
- общинное
- корпоративное.

Община – древнейшая форма организации социальной жизни *homo sapiens*. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что она существует столько же, сколько и само человечество. Именно община обеспечивала социальный порядок в традиционном обществе: в догосударственный период – исключительно, в ранних государствах – разделяя эту функцию с органами публичной власти. Частью этого социального порядка и было то, что принято называть обычным правом (в значении I). Оно создавалось общинными институтами и применялось органами общинного правосудия.

Поэтому для обозначения этого явления наиболее точным представляется термин *общинное право*. Он, с одной стороны, указывает самый существенный признак правопорядков этого типа – то, что они установлены общиной и поддерживаются силами ее институтов. С другой стороны, он позволяет разграничить общинное право и другие типы негосударственного права (например, церковное как вид корпоративного), имеющие иные социальные корни и юридическую природу.

Большинство правовых конфликтов и споров в традиционных обществах разрешалось внутри организованных по территориальному принципу человеческих коллективов, без обращения к государственным органам. Государство, со своей стороны, вопреки редукционистским представлениям позитивистов, далеко не сразу после своего появления на исторической сцене признавало и санкционировало нормы общинного права, беря его применение на себя. На протяжении всего периода существования традиционного (доиндустриального) общества во всем мире сохранялась ситуация правового плюрализма, когда наряду с правопорядком, создаваемым и обеспечиваемым государством, продолжали функционировать партикулярные правопорядки, поддерживаемые общинами. Для стран западного цивилизационного ареала такое положение дел было характерно до эпохи Нового времени, а во многих развивающихся странах имеет место и в наши дни.

Итак, *общинное право* может быть определено как *нормативный и институциональный порядок, определяющий взаимные отношения людей в общине, общеобязательность которого обеспечивается этой общиной самостоятельно без участия государства*.

Понятие *общинное право* имеет ряд преимуществ перед категорией *обычное право*. Оно более релевантно для обозначения правовых систем традиционного общества, не основанных на волеизъявлении государственной власти, а также тех правовых порядков, которые существуют в современных социумах параллельно официальному праву государства. Его объем полностью соответствует обозначаемому множеству явлений, и его использование помогает избежать тех противоречий и вводящих в заблуждение коннотаций, которые возникают в связи с употреблением термина *обычное право*.

Вместе с тем его использование не предполагает тотальной перестройки дискурса тех направлений науки, которые ведут исследования по соответствующей тематике, и создания «с нуля» абсолютно нового нарратива. Оно позволяет сохранить все достижения современной теории обычного права и сделать следующий шаг на пути осмысления общинно-правовых феноменов за счет внесения большей ясности в ее концептуальный «каркас».

В последние десятилетия и в России, и за рубежом вышел целый ряд работ, способствующих углублению понимания проблематики общинного права. Прочитывать здесь их все или хотя бы наиболее значимые не представляется возможным, да и не входит в задачи данной статьи. Поэтому отметим лишь некоторые ключевые идеи, ставшие, на наш взгляд, важным вкладом в развитие научных представлений о праве традиционного общества. Так, постепенно преодолевается устаревший взгляд на «обычное» право как на статичную, консервативную, даже реакционную систему социального регулирования, постоянно отстающую от жизни и тормозящую политико-правовое и социально-экономическое развитие обществ, в которых оно действует. Об ошибочности этого взгляда пишут, в частности, В.В. Бочаров (Бочаров 2013: 145), В.Б. Безгин (Безгин 2017: 15) и Ю.В. Скворцова (Скворцова 2012). Р. Сидер в своих исследованиях показывает, что органическую и весьма значимую часть «обычного» права составляют «новые порядки и нормативные структуры», создаваемые как повседневной практикой, так и сознательными конструктивными усилиями ныне живущих членов общин (Sieder 1996: 12). К.А. Алимжан совершенно справедливо отмечает, что «обычному» праву присущ не только консерватизм, но и динамизм. Последний проявляется, во-первых, в «микроревизионных» изменениях, то есть постепенном, стихийном изменении обычной практики, а во-вторых – в целенаправленном формировании новых норм. На этом основании казахстанский ученый разделяет обычное право на «старое» – собственно обычаи – и «новое», которое, впрочем, он сам признает «обычным» лишь с некоторыми оговорками (Алимжан 2003: 266-267). Именно К.А. Алимжан ближе других авторов, разрабатывающих проблематику *обычного права*, подошел к осознанию нерелевантности этого термина. Сформулированное им определение *обычного права* как «совокупности обеспечиваемых социальным принуждением общеобязательных норм, устанавливающих пределы свободы членов определенной общественной группы (социума)» (Алимжан 2003: 266) может быть с минимальными изменениями трансформировано в дефиницию *общинного права*. Для этого достаточно лишь конкретизировать природу упоминаемой в нем общественной группы, прямо назвав ее общиной.

Все большее признание получает тезис о том, что обычай является далеко не единственным источником «обычного» права. Г.Г. Небрятенко выделяет две формы, в которых развивается «обычное» право в традиционном обществе – естественную и волевою (Небрятенко 2010: 165) (правда, вторую он относит исключительно к государственному периоду, с чем трудно согласиться). Источниками «обычного» права он полагает помимо обычаев

также юридические прецеденты, договоры, нормативные правовые акты (Небрatenко 2013: 28-34). Немаловажным представляется и положение, выдвигаемое Г.Г. Небрatenко, согласно которому народное правосознание способно осваивать нормативные акты государственной власти, превращая их в обычаи (Небрatenко 2013: 28-34). Российский ученый справедливо отмечает недостатки «классической» теории обычного права: «...до настоящего момента рассмотрение обычно-правовой системы осуществлялось только через призму обычного права»; это не позволило «сформировать глубокого доктринального представления об онтологических и трансформационных параметрах» данного феномена и «сформулировать понятийный аппарат» (Небрatenко 2013: 28). Чтобы преодолеть гносеологический тупик, в который с очевидностью ведет устоявшаяся парадигма, Г.Г. Небрatenко вводит собственное понятие обычно-правовой системы, которую предлагает рассматривать «в качестве конкретно-исторической совокупности обычного права, юридической практики и правосознания» (Небрatenко 2013: 28-34). На наш взгляд, такой шаг, хотя он до определенной степени и продуктивен, не решает всех обозначенных выше методологических проблем, так как сохранение предиката «обычно-правовая» не позволяет новому понятию избавиться от того «шлейфа» ошибочных коннотаций, который связан с «унаследованной» от классиков категорией *обычное право*.

Представляется, что использование в рамках теории Г.Г. Небрatenко понятия *общинное право* (и соответственно *общинно-правовая система*) было бы вполне органичным и обеспечило бы большую четкость ее понятийного аппарата.

В работах процитированных и некоторых других авторов (Зумбулидзе 2004; Ломакина 2005; Думанов, Першиц, 2005) наметился отход от позитивистского увязывания правового статуса действующих в общинной среде норм с наличием государственной санкции, взамен которого постепенно утверждается признание самостоятельного онтоса права. Используется рядом зарубежных исследователей и термин «общинное право» (Brandt, Franco 2006), но без четкого определения и глубокой теоретической проработки.

Итак, опираясь на уже достигнутый современной наукой уровень знаний об общинном праве, мы имеем возможность обозначить основные сущностные характеристики этого феномена, отличающие его от других типов права, и выделить формы его выражения.

Как было показано выше, общинное право не сводится к одним лишь обычаям; состав и структура его источников гораздо сложнее. Формы общинного права варьируются в зависимости от культурных, исторических и социальных условий жизни конкретного человеческого коллектива. Но в целом его источники, при всем их разнообразии, можно подразделить на четыре основные группы:

1. Правовые обычаи, или обычное право в узком смысле, то есть такие нормы, которые действительно формируются в ходе многократного применения единообразных юридически значимых действий в сходных ситуациях (общинное обычное право). Они занимают важное место в массиве норм

общинного права и в определенные периоды у определенных общностей составляют его большую часть, но никогда и нигде они не были единственным источником права. Как подчеркивалось выше, обычаи возникают не случайно, а в результате действия социального механизма, позволяющего выделить из всех способов поведения в ситуациях определенного типа тот, который может и должен стать нормативным. Эту функцию выполняет правосознание, в котором поведенческие паттерны проходят сверку с основополагающими правовыми ценностями и принципами данной общины. В обычай входит лишь то, что этим ценностям и принципам соответствует. Поэтому задача юридической этнографии при изучении данного компонента общинного права состоит не только в фиксации самих обычаев, но и в реконструкции лежащего в их основе мировоззрения.

2. Правовые установления органов власти общины (общинные нормативно-правовые акты). Это правила поведения, нормативная сила которых основывается уже не на обычае, а на воле общинного коллектива, выраженной в решениях народного собрания, совета старейшин, вождя или иного властного органа. Они становятся общеобязательными сразу после принятия, независимо от частоты и длительности применения. По мере усложнения общественных отношений и развития потестарных институтов доля и значимость таких норм в общинном праве растет. Нормы этого типа зафиксированы этнографами и историками как у первобытных народов, так и в общинах, сосуществующих с государственными институтами. В традиционном обществе они бытовали в неписаной форме, передаваясь изустно от поколения к поколению наравне с обычаями, что нередко приводит исследователей к ошибочному смешению их с последними. В современных условиях постановления общинных органов в развивающихся странах все чаще фиксируются письменно и хранятся у должностных лиц общины. Как показывают этнографические данные, некоторые общины, например в Латинской Америке, периодически (обычно раз в год, одновременно с переборами общинного руководства) в присутствии всех общинников проводят ревизию своих архивов, которая сопровождается публичным оглашением действующих нормативных актов. Это, с одной стороны, актуализирует действующие нормы в памяти членов коллектива, а с другой – дает возможность выявить устаревшие правовые положения, нуждающиеся в корректировке (Костокрызов 2018).

3. Юридические прецеденты (общинное прецедентное право). Правовая система, полностью или в значительной степени основанная на неписаных и некодифицированных источниках, неизбежно сталкивается с проблемой многочисленных пробелов и неурегулированных вопросов. Выход найден человечеством довольно давно – органы, уполномоченные отправлять правосудие, принимают решение по справедливости. Что является справедливым, устанавливается в каждом конкретном случае общинными судьями, причем они должны убедить в справедливости своего решения остальных общинников, то есть для того чтобы такое решение стало источником права в полном смысле, оно должно иметь основание в общинном правосознании.

4. Нормы государственного права. По мере становления и укрепления государства расширяется его правотворческая деятельность. При этом происходит взаимопроникновение общинного и государственного права. Чаще всего внимание исследователей сосредотачивается лишь на одной стороне этого процесса – рецепции государством общинных норм, которые, получая санкцию со стороны публичной власти, становятся частью государственного права. На наш взгляд, не менее важен и другой вектор этого взаимопроникновения, а именно инкорпорация отдельных норм государственного законодательства в общинное право. В дальнейшем происхождение таких норм (особенно если они бытуют в устной форме) может забываться, и органы общинного правосудия применяют их по традиции. Таким образом, законы могут трансформироваться в обычаи, сохраняясь в общинном праве иногда даже после того, как они утратили силу в правовой системе государства. В настоящее время нередки и случаи, когда общинные суды в развивающихся странах непосредственно применяют нормы национального законодательства.

Помимо этих, основных, источников в правовых системах некоторых общин могут играть большую или меньшую роль, в зависимости от культурно-исторических условий, и другие формы, такие как нормативные договоры (Небрятенко 2013: 28-34), религиозные тексты (которые в отдельных случаях вообще занимают ведущее место, например в мусульманских общинах) и т.д.

Как уже отмечалось, общинному праву присущ наряду с консерватизмом и определенный динамизм. Состав его источников обеспечивает одновременно стабильность правового регулирования и постепенное изменение норм, позволяющее не отставать от жизни. Следование правовым обычаям и традициям (первая группа источников) гарантирует преемственность, а постоянное создание новых нормативно-правовых актов и прецедентов (вторая и третья группы) наряду с рецепцией норм государственного права (четвертая группа) отражает мобильность общинного права, его приспособляемость к меняющимся условиям человеческого существования. Благодаря этому община и после возникновения государства еще долго остается тем социальным институтом, который творит право. В некоторых регионах она продолжает выполнять эту функцию и в наше время.

Фундаментальное структурное отличие общинного права от государственного состоит в том, что право государства дискретно, оно строится из единичных норм, как из «кирпичиков». Нормы слагаются в институты, институты – в отрасли. Общинное же право континуально, оно представляет собой единый нерасчлененный порядок, в котором как бы «растворены» отдельные нормы. В первом случае буква закона преобладает над духом права, во втором – дух над буквой. Соответственно различаются модусы действия государственной и общинной юстиции: первая видит свою задачу в применении конкретной нормы к конкретной конфликтной ситуации, вторая же воспринимает такую ситуацию как разрыв континуума правопорядка и стремится восстановить целостность последнего. При этом определенного, заранее установленного правила для конкретного случая может

не существовать. С позитивистской точки зрения – это пробел в праве, но для общинного права такой проблемы не существует, так как в данном правовом континууме юридические споры разрешаются исходя из основополагающих ценностей и принципов; единичные нормы играют подчиненную роль. Это одна из причин, по которым не представляется возможным создать полный кодекс общинного права.

Разное место в структуре общинного и государственного права занимают права личности. Стержень, вокруг которого выстраивается вся система государственного права (по крайней мере, в его романо-германском и англосаксонском вариантах), – субъективные права и законные интересы отдельных лиц. Сущность общинного права – поддержание приемлемого порядка жизнедеятельности сообщества. Центральным охраняемым общественным благом при этом является не законный индивидуальный интерес, а устойчивое, сбалансированное состояние общины и социальная гармония. Это не значит, что субъективные права индивидов приносятся в жертву. Просто на первый план здесь выступают права другого ранга – на социальный мир и защищенную спокойную жизнь в согласии и взаимоуважении с другими членами общины. «Правопритязания» такого рода не поддаются строгой формализации по схеме «X имеет право...» и т.п. Это тоже относится к числу причин, по которым общинное право невозможно кодифицировать.

Наконец, нельзя не отметить еще одну особенность общинного права, резко отличающую его от государственного: решающую роль правосознания в его функционировании и развитии. Государство, располагающее аппаратом принуждения, способно заставить население подчиняться нормам, предписанным властью, до некоторой степени независимо от того, насколько сознательно население принимает их. Община же, такого аппарата не имеющая, может опираться лишь на добровольное следование своих членов правовым установлениям. Поэтому для общины правосознание населения имеет намного большее значение, чем для государства. Смыслообразующими ценностями общинного правосознания являются социальная гармония и справедливость. При этом справедливость понимается не как безусловное соблюдение субъективных прав участников спорной ситуации, а как положение, в наибольшей степени удовлетворяющее интересам наибольшего круга общинников (в идеале – всей общины).

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на нескольких ключевых моментах.

Широко распространенная категория *обычное право* не вполне релевантна для обозначения права традиционного общества, а также правовых норм, которыми регулируется жизнь человеческих сообществ без непосредственного участия государственной власти на различных стадиях исторического развития вплоть до современности. Современная теоретико- и историко-правовая наука, по крайней мере в лице некоторых ее представителей (К.А. Алимжан, Г.Г. Небрятенко), вплотную подошла к выработке более точного понятия для данного феномена.

В этом качестве, на наш взгляд, целесообразно использовать понятие *общинное право*. Будучи более конкретным, чем *обычное право*, оно отвечает

основным требованиям, предъявляемым к научному понятию. Это прежде всего однозначность, точность, соразмерность по объему с обозначаемым явлением. Указывая самый существенный признак этого права – то, что оно устанавливается общиной и его общеобязательность обеспечивается общинными институтами, предлагаемое понятие более точно определяет место общинного права в ряду других типов права.

Наряду с обычаями источниками общинного права выступают нормативно-правовые акты (как общинных властей, так и исходящие от государства), юридические прецеденты, нормативные договоры, религиозные тексты и т.д.

Хотя общинное право может включать (и в современных условиях все чаще включает) более или менее значительные массивы писаных источников, например постановления общих собраний и судебные решения прецедентного характера, оно не может быть записано и кодифицировано полностью.

Обширный исторический и этнографический материал, собранный в разных географических регионах (Супатаев 1984; Сеницына 1997; Сушкова 2009; Безгин 2017; Костогрызов 2018 и др.), подтверждает универсальность перечисленных характеристик общинного права.

Общинное право, хронологически и генетически предшествующее всем остальным типам права, следует считать, таким образом, архетипом права вообще. Отсюда закономерен вывод о принципиальной важности его изучения для понимания сущности права как феномена социального бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алимжан К.А. 2003. Вопросы теории обычного права. Алматы : Издат. центр Обществ. фонда «Интерлигал». 319 с.

Безгин В.Б. 2017. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М. : Common place. 334 с.

Бочаров В.В. 2013. Неписанный закон: Антропология права. СПб. : АИК. 328 с.

Думанов Х.М., Першиц А.И. 2005. К уточнению понятия «обычное право» // Государство и право. № 3. С. 77–82.

Зумбулидзе Р.-М. 3. 2004. Обычное право как источник гражданского права // Обычай в праве. СПб. : Юрид. центр Пресс. С. 3–106.

Ковлер А.И. 2003. Антропология права и правовой плюрализм // Олень всегда прав: исследования по юридической антропологии. М. : Издат. дом «Стратегия». С. 24–50.

Костогрызов П.И. 2017. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 4. С. 81–99.

Костогрызов П.И. 2018. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М. : Юрлитинформ. 248 с.

Ломакина И.Б. 2005. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. 44 с.

Малый энциклопедический словарь, 1909. Т. 2. Вып. 3. 2-е изд., вновь перераб. и значит. доп. СПб. : Брокгауз и Ефрон. 1055 с.

Михайлов А.М. 2013. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М. : Юрлитинформ. 632 с.

- Небратенко Г.Г. 2010. Институционализация обычно-правовой системы в общей теории права. М. : Вуз. кн. 178 с.
- Небратенко Г.Г. 2013. Обычно-правовая система: структура и элементы. Ростов н/Д. : ЮРИФ РАНХ и ГС. 52 с.
- Пухта Г.Ф. 1874. Курс римского гражданского права. Т. 1. М. : Изд. Ф.Н. Плевако. 560 с.
- Рулан Н. 1999. Юридическая антропология. М. : НОРМА. 310 с.
- Савиньи Ф.К. фон. 2011. Система современного римского права. Т. 1. М. : Статут. 508 с.
- Синицына И.Е. 1997. В мире обычая / Рос. акад. наук. Ин-т Африки. М. : Вост. лит. 144 с., [9] л. ил.
- Скворцова Ю.В. 2012. Обычное право как структурно-функциональный элемент правовой системы России // Учен. тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. № 1(24). С. 45-53.
- Супатаев М.А. 1984. Обычное право в странах Восточной Африки. М. : Наука. 118 с.
- Сухарев А.Я., Крутских В.Е. (ред.) 2001. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М. 704 с.
- Сушкова Ю.Н. 2009. Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары. 49 с.
- Barié C.G. 2008. Derecho Indígena y Medios Alternativos de Resolución de Conflictos // Urvio : Revista Latinoamericana de Seguridad Ciudadana. № 3. Quito. Enero. P. 110-118.
- Brandt H.-J., Franco R. (eds.) 2006. Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 1: El tratamiento de conflictos: un estudio de actas en 133 comunidades indígenas y campesinas en Ecuador y Perú. Lima : IDL. 280 p.
- Sieder R. 1996. Derecho consuetudinario y Transición Democrática en Guatemala : Cuaderno de Debate, FLACSO-Guatemala (diciembre de 1996). 83 p.
- Understanding access to justice and conflict resolution at the local level in the Central African Republic, 2012. Washington, DC : The World Bank Group. 82 p.
- Yrigoyen Fajardo R. 1999. Pautas de coordinación entre el derecho indígena y el derecho estatal. Guatemala : Fundación Myrna Mack. 80 p.
- Yrigoyen Fajardo R. 2004. Legal Pluralism, Indigenous Law and the Special Jurisdiction in the Andean Countries // Beyond Law. № 27. P. 32-49.

P. Kostogryzov. Obshchinnoye pravo [Community law],
Antinomies, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 67–86. (in Russ.).

Pavel I. Kostogryzov, Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: pkostogryzov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9345-3900
ResearcherID: K-2794-2018

Article received 14.03.2019, accepted 12.05.2019, available online 01.07.2019

COMMUNITY LAW

Abstract. The article deals with the problem of conceptualization of the social-normative order, which is not directly related to the activities of the State and is most often denoted

in legal science by the terms “legal customs” and “customary law”. This type of law arises in the pre-state period, and then coexists with the system of norms created by the State for a long historical period; in some regions it continues to play the role of an important social regulator till now. Analyzing the well-established theory of “customary” law, the author proposes to look at this concept in a new way, revealing a number of theoretical and epistemological problems associated with it. It is shown that the most common definition of customary law is internally controversial; ambiguity and unjustifiably broad application of this concept impoverishes its content. The idea that the law of pre-state societies and those state-organized societies, which have retained legal institutions independent from the state, “consists” exclusively of customs being the result of “multiple repetition” of certain (more or less random) actions, is incorrect. Applying a fundamentally different approach to the typology of law based not on formal criteria, but on the nature of the force that enforces the general bindingness of legal norms, the author introduces and substantiates the concept of community law. It is shown that this term is most relevant to denote the law of traditional society that is not based on the state power’s will, as well as those legal orders that exist in modern societies in parallel with the official law of the State. Its scope fully corresponds to the set of phenomena it designates, and its use helps to avoid the contradictions and misleading connotations that arise from the use of the word combination “customary law”. Based on the factual material provided by legal history and legal ethnography, the author identifies the main structural and substantive features of community law that distinguish it from other types of law, and gives a description of its sources.

Keywords: community law; customary law; folk law; non-state law; law in traditional society; community; legal pluralism; legal anthropology; legal history.

References

- Alimzhan K.A. *Voprosy teorii obychnogo prava* [Questions of customary law theory], Almaty, Izdatel'skiy tsentr Obshchestvennogo fonda «Interligal», 2003, 319 p. (in Russ.).
- Barié C.G. *Derecho Indígena y Medios Alternativos de Resolución de Conflictos* [Indigenous law and alternative conflict resolution], *Urvio : Revista Latinoamericana de Seguridad Ciudadana*, 2008, no. 3, Quito, Enero, pp. 110-118. (in Spanish).
- Bezgin V.B. *Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan* [Peasants' truth], Moscow, Common place, 2017, 334 p. (in Russ.).
- Bocharov V.V. *Nepisanny zakon: Antropologiya prava* [Unwritten law: legal anthropology], St. Petersburg, AIK, 2013, 328 p. (in Russ.).
- Brandt H.-J., Franco R. (eds.) *Justicia comunitaria en los Andes: Perú y Ecuador. Vol. 1: El tratamiento de conflictos: un estudio de actas en 133 comunidades indígenas y campesinas en Ecuador y Perú* [Community justice in the Andes: Perú and Ecuador. Vol. 1], Lima, IDL, 2006, 280 p. (in Spanish).
- Dumanov H.M., Pershits A.I. *Kutochneniyu ponyatiya «obychnoe pravo»* [On clarification of the concept of customary law], *Gosudarstvo i pravo*, 2005, no. 3, pp. 77-82. (in Russ.).
- Kostogryzov P.I. *Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoj Ameriki* [Community justice in Latin American countries], Moscow, Yurlitinform, 2018, 248 p. (in Russ.).
- Kostogryzov P.I. *Yuridicheskaya antropologiya v poiskakh paradigmy* [Legal anthropology in search for a paradigm], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoj akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 81-99. (in Russ.).
- Kovler A.I. *Antropologiya prava i pravovoy plyuralizm* [Legal anthropology and legal pluralism], *Olen' vseгда prav: issledovaniya po yuridicheskoy antropologii*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Strategiya», 2003, pp. 24-50. (in Russ.).

Lomakina I.B. *Etnicheskoe obychnoe pravo: teoretiko-pravovoy aspekt : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Ethnic customary law: abstr. of diss.], St. Petersburg, 2005, 44 p. (in Russ.).

Malyy entsiklopedicheskiy slovar'. T. 2. Vyp. 3 [Small encyclopaedical dictionary by Brokgauz & Efron, vol. 2, iss. 3], 2nd ed., rev. end augm., St. Petersburg, Brokgauz i Efron, 1909, 1055 p. (in Russ.).

Mikhaylov A.M. *Sravnitel'noe issledovanie filosofsko-metodologicheskikh osnovaniy estestvenno-pravovoy i istoricheskoy shkoly pravovedeniya* [Comparative Study on Philosophical and Methodological foundations of the School of Natural Law and the German Historical School of Jurisprudence], Moscow, YurLitinform, 2013, 632 p. (in Russ.).

Nebratenko G.G. *Institutsionalizatsiya obychno-pravovoy sistemy v obshchey teorii prava* [Institutionalization of customary law system], Moscow, Vuzovskaya kniga, 2010, 178 p. (in Russ.).

Nebratenko G.G. *Obychno-pravovaya sistema: struktura i element* [Customary law system], Rostov-on-Don, YuRIF RANKh i GS, 2013, 52 p. (in Russ.).

Pukhta G.F. *Kurs rimskogo grazhdanskogo prava. T. 1* [Course of the Roman civil law. Vol. 1], Moscow, Izdanie F.N. Plevako, 1874, 560 p. (in Russ.).

Rouland N. *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal anthropology], Moscow, NORMA, 1999, 310 p. (in Russ.).

Savigni F. K. von. *Sistema sovremennogo rimskogo prava. T. 1* [Modern Roman law system], Moscow, Statut, 2011, 508 p. (in Russ.).

Sieder R. *Derecho consuetudinario y Transición Democrática en Guatemala : Cuaderno de Debate, FLACSO-Guatemala (diciembre de 1996)* [Customary law and democratic transit in Guatemala], 1996, 83 p. (in Spanish).

Sinitsyna I.E. *Vmire obychnaya* [The world of custom], Moscow, Vostochnaya literature, 1997, 162 p. (in Russ.).

Skvortsova Yu.V. *Obychnoe pravo kak strukturno-funktsional'nyy element pravovoy sistemy Rossii* [Customary law as an element of Russia's legal system], *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*, 2012, no. 1(24), pp. 45-53. (in Russ.).

Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E. (eds.) *Bol'shoy yuridicheskiy slovar'* [Large legal dictionary], 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Infra-M, 2001, 704 p. (in Russ.).

Supataev M.A. *Obychnoe pravo v stranakh Vostochnoy Afriki* [Customary law in East Africa], Moscow, Nauka, 1984, 118 p. (in Russ.).

Sushkova Yu.N. *Etnopravosudie u mordvy v kontse XIX – nachale XXI v.* [Mordovian ethnojustice in late 19th – early 20th century: abstr. of diss.], Cheboksary, 2009, 49 p. (in Russ.).

Understanding access to justice and conflict resolution at the local level in the Central African Republic, Washington, DC, The World Bank Group, 2012, 82 p.

Yrigoyen Fajardo R. *Legal Pluralism, Indigenous Law and the Special Jurisdiction in the Andean Countries, Beyond Law*, 2004, no. 27, pp. 32-49.

Yrigoyen Fajardo R. *Pautas de coordinación entre el derecho indígena y el derecho estatal* [Patterns of coordination between indigenous and state law], Guatemala, Fundación Myrna Mack, 1999, 80 p. (in Spanish).

Zumbulidze R.-M. *Obychnoe pravo kak istochnik grazhdanskogo prava* [Customary law as a source of civil law], *Obychay v prave*, St. Peterburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2004, pp. 3-106. (in Russ.).